

Юрий Михайлик

Но там никого нет

* * *

Летний сон. Полночная прохлада.
Мягкий звук – во сне иль наяву?
Ты не бойся – там, во мраке сада,
абрикосы падают в траву.

Это отдаленный ритм прибора
глухо отзывается вдали,
словно предназначен нам с тобою
краткий промельк жизни и любви.

Слабыми полуночными снами
мир и сад качается в стекле.
Ты не бойся – это было с нами.
Может, только с нами на земле.

Ничего другого мне не надо,
пусть приснятся, если доживу, –
сонный сад, июль, во мраке сада
абрикосы падают в траву.

* * *

Жизнь талантлива, поскольку она коротка.
Жизнь назойлива, поскольку прет изо всех дыр.
Жизнь слепа и глуха, ибо самая золотая строка
ничего не изменит в мире, и не сможет спасти мир.

Остается галдеть и гадать – кто ты и где ты.
А ты просто кот господина Шредингера – мертв и одновременно жив.
Достоверных ответов нет. Достоверны любые ответы.
Правдив любой приговор, который также и лжив.

Так что сиди-гляди на иссиня мятущийся бред,
который поближе к берегу похож на равнодушно зеленую быль.
И даже то обстоятельство, что тебя уже как бы нет,
не может служить доказательством, что ты был

то ли смыт волной, то ли занесен песчаной пургой
на другой стороне планеты, на другой стороне, на совсем другой...

* * *

Юлию Киму

Вот говорят, моржи не переносят лжи,
твердят, что вирус лжи противен их натуре.
Он выживет везде – на суше и в воде, –
но не в полярных льдах, не в той температуре...

А нас, увы, друзья, лепили из вранья,
из фальши, из брехни – за тем или за этим –
и в толпах наших лжей, ханжей и сторожей
отсутствия моржей мы просто не заметим.

Но все же иногда в нагроможденьях льда,
где синяя слюда в арктических проливах,
из темной глубины всплывают их стада –
полночные стада красивых и счастливых.

Ты музыку включи – там за бортом в ночи
их круглые глаза блестят в полярном мраке...
И, может быть, друзья, действительно нельзя
и Шуберта любить, и верить в наши враки...

Евг. Голубовскому

1.

Нас принесла волна в смутные времена,
где совместить невозможно лица и имена.
Как из-под толщи льда в немыслимые года
еще уловимо звучанье, но значение – никогда.
Будто бы на родном, но совершенно ином –
то ли на новорусском, то ли древнеблатном.
Что ж, помолчи со мной, старый товарищ мой,
на языке молчанья нас позовут домой.
Так коротка стезя, что не дойти нельзя,
там юны наши подруги, там живы наши друзья.

2.

Настоящее открытие новых земель
обычно сопровождается посадкой на мель,
особенно если под берегом прорастает коралловый риф.
Команда высаживается в мангровые леса,
обнаруживает кенгуру и прочие чудеса,
ищет пресную воду и чинит свой парусник,
когда позволяет отлив.
Потом возникает легенда, и тот, кто смел,
хриплым голосом распевает – кто кого съел,
хотя тут еды было вдоволь, и вода обнаружилась,
все приплыли обратно,
починились, и еще много новых и старых земель нашли,
проплывая первый раз вокруг земли,
а в общем итоге получилось, что троекратно.
Троекратно, как приветственные поцелуи
в московском аэропорту,
вставные челюсти старательно удерживая во рту,
хотя никто ничего, никаких земель, и даже рта – не открыл,
и вокруг ничего – ни мангров, ни кенгуру,
только голубые начальственные елочки
покачиваются на ветру,
отводя свои ветви от аборигенских лиц.

Рифма тут есть, просто она тоже упрятана кое-где,
как скрыта любовь к огненной воде,
и как замаскирована по периметру бдительная охрана,
и все товарищи хоннекеры (на лицах застарелой любви
и преданности печать)
поедут по праздничным улицам отвечать
и отмечать, как всеобщий пророк реагирует
на некоторые отступления от корана.
Все открытия новых земель похожи друг на друга,
хотя сами земли различны, но как бы в пределах круга,
а в конечном счете что Арктида, что Антарктида,
просыпаешься утром в спальном мешке или просто в мешке,
к ногам что-то привязано, похмельная боль в башке,
и уже никуда не денешься. Пустота. Холод. Обида.
Все открыватели новых земель горды собой,
и когда их на рифы выносит прибой голубой,
как однажды спела возлюбленная оперетта,
продолжают собой и свою судьбой гордиться,
пока в черный пробитый трюм поступает вода – водица,
и в ней тонут любимые неузнаваемые города,
и понимаешь, что все это никуда не годится.

3.

Вот оно и настало – время злобных чудес.
Они наблюдают за нами, вероятно – с небес.
Возможно – это пришельцы, гости с иных планет.
Они нас слышат и видят. Но там никого нет.

Спутники, беспилотники, дроны, системы глонас –
все пролетает над нами, не понимая нас.
Но мы хорошо помним уже несколько тысяч лет –
наверху нас видят и слышат. Но там никого нет.

Сверху все вроде бы правильно – сияние городов,
четкие прямоугольники разноцветных полей и садов,
пролетающий по дорогам белый и красный свет –
все сверху понятно и правильно. Но там никого нет.

Наверное, справедливей было позавчера –
в мире заточенной палки, в мире каменного топора,
а когда с высоты лупит лазерный смертельный стилет,
не успеешь поднять голову. Но там никого нет.

Хотелось бы верить, что кто-то увидит, услышит, поймет,
по голове погладит, за руку тихо возьмет,
кто-нибудь остановит долгий кровавый бред,
просто вздохнет – опомнитесь. Но там никого нет.

Хорошо бы позвать по имени. Имя не знает никто.
И что нам в глаза нацелено – нечто или ничто?
Настигает нас гнев господень или просто удар ракет?

Оно нас видит и слышит. Но там никого нет.

Сидней

